

В ПРЕЖНЕ время к нам заграничны корабли приезжали за лесом. От нас лес возили. Стали и песни увозить.

Мы до той поры и в толк не брали, что можно песнями торговать.

В нашем обиходе песня постоянно живёт, завсегда в ходу. На работе песня – подмога, на гулянье – для пляса, в гостьбе – для общего веселья. Чтобы песнями торговать – мы и в уме не держали.

Про это дело надо объяснительно обсказать, чтобы сказанному вера была. Это не выдумка, а так дело было.

В стары годы морозы жили градусов на двести, на триста. На моей памяти доходило до пятисот. Старухи рассказывают – до семисот бывало, да мы не очень верим. Что не при нас было, того, может, и вовсе не было.

На морозе всяко слово как вылетит – и замёрзнет! Его не слышно, а видно. У всякого слова свой вид, свой цвет, свой свет. Мы по льдинкам видим, что сказано, как сказано. Ежели новость кака али заделье – это, значит, деловой разговор – домой несём, дома в тепле слушаем, а то на улице в руках отогрем. В морозны дни мы при встрече шапок не снимали, а перекидывались мороженым словом приветным. С той поры повелось говорить: словом перекидываться. В морозны дни над Уймой морожены слова весёлыми стайками перелетали от дома к дому да через улицу. Это наши хозяйки новостями перебрасывались. Бабам без новостей дня не прожить.

Как-то у проруби сошлись наша Ани-сья да сватья из-за реки. Спервоначалу ладно говорили, слова сыпали гладкими льдинками на снег, да покажись Ани-сье, что сватья сказала кисло слово. По льдинке видно.

– Ты это что? – кричит Ани-сья, – како слово сказала? Я хошь ухом не воймую, да глазом вижу!

Степан
Нисахов

Морожены ПЕСНИ

И пошла, и пошла, ну, прямо без удержу, до потемни сыпала. Сватья тоже не отставала, как подскочит (её злостью подбрасывало) да как начнёт переплёты ледяны выплетать. Слова то – все дыбом.

А когда за кучами мёрзлых слов друг дружку не видно стало, разошлись. Анисья дома свекровке нажалилась, что сватья ей всяких кислых слов наговорила.

– Ну и я ей навалила, только бы тёплого дня дожждаться, оно хоть и задом наперёд начнёт таять, да её, ругательницу, насквозь прошибёт! Свекровка-то ей говорит:

– Верно, Анисьюшка, уж вот как верно твоё слово. И таки они горлопанихи на том берегу, просто страсть! Прошлу зиму я отругиваться бегала, мало не сутки ругалась, чтобы всю-то деревню переругать. Духу не переводила, насилу стругалась. Было на уме её часик-другой поругаться, да опара на пиво была поставлена, боялась, кабы не перестояла. Посулила ещё на спутье забежать поругать.

А малым робятам забавы нужны – матери потаковщицы на улицу выбежат, наговорят круглых ласковых слов. Робята ласковыми словами играют, слова блестят, звенят музыкой. За день много ласковых слов переломают. Ну да матери на ласковы слова для робят устали не знают. А девкам перво дело песни. На улицу выскочат, от мороза подол на голову накинут, зятянут песню старинну, длинну, с переливами, с выносом! Песня мёрзнет колечушками тонюсенькими-тонюсенькими, колечушко в колечушко, отсвечиват цветом камня драгоценного, отсвечиват светом радуги. Девки из мороженных песен кружева сплетут да всяки узорности. Дом по переду весь улепят да увесят. На конёк затейно слово с прискоком скажут. По краям частушек навесят. Где свободно место окажется, приладят слово ласково: «Милый, приходи, любимый, заглядывай!» Нарядней нашей деревни нигде не было. Весной песни затают, зазвенят, как птицы каки невиданны запоят!

С этого и повелась торговля песнями. Как-то шёл заморской купец, он зиму проводил по торговым делам, нашему языку обучался. Увидал украшеньё – морожены песни – и давай от удивленья ахать да руками размахивать.

– Ах, ах, ах! Ах, ах, ах! Кака распрекрасна интересность диковинна, без всякого береженья на само опасно место прилажена!

Изловчился купец да отломил кусок песни, думал – не видит никто. Да, не видит, как же! Робята со всех сторон слов всяческих наговорили, и ну в него швырять. Купец спрашивает того, кто с ним шёл:

– Что за штуки колки каки, чем они швыряют?

– Так, пустяки.

Иноземец и «пустяков» набрал охапку. Пришёл домой, где жил, «пустяки» по полу рассыпал, а песню рассматривать стал. Песня растаяла да только в ушах прозвенела, а «пустяки» на полу тоже растаяли да запоскакивали кому в нос, кому в рыло. Купцу выговор сделали, чтобы таких слов в избу не носил.

Иноземцу загорелось песен наказывать: в свою страну завезти на полюбование да на прослушанье.

Вот и стали песни заказывать да в особы ящики складывать (таки, что термоящиками прозываются). Песню уложат да обозначат, которо – перед, которо – зад, чтобы с другого конца не начать. Больши кучи напели. А по весне на пароходах и отправили. Пароходищи нагрузили до труб. В заморску страну привезли. Народу любопытно, каки таки морожены песни из Архангельскова? Театр набили полнёхонек.

Вот ящики раскупорили, песни порастаяли да как взвились, да как зазвенели! Да дальше, да звонче, да и все. Люди в ладоши захопала, закричали:

– Ещё, ещё! Слушать хотим!

Да ведь слово не воробей, выпустишь – не поймать, а песня что соловей, прозвенит – и вся тут. К нам письма слали и заказны, и просты, и доплатны, и депеши одну за другой: «Пойте больше, песни заказывам, пароходы гото-

вим, деньги шлём, упросом просим: пойте!»

Коли деньги шлют, значит, не обманывают. Наши девки, бабы и старухи, которы в голосе, – все принялись песни тянуть, морозить.

Сватына свекровка, ну, та сама, котора отругиваться бегала, тоже в песенно дело вошла. Поёт да песенным словом помахиват, а песня мёрзнет, как белы птицы летят. Внучка старухина у бабки подголоском была. Бабкина песня – жемчуга да брильянты-самоцветы, внучкино вторенье, как изумруды. Девки поют, бабы поют, старухи поют. Песня делам не мешат, рядом с делом идёт, доход даёт.

Во всех кузницах стукоток, брякоток стоит – ящики для песен сколачивают.

Мужики бороды в стороны отвернули, с помешки чтобы бороды слов не задерживали.

– Дакосе и мы их разуважим, своё «почтение» скажем. Ну, и запели! Проходящи мимо сторонились от тех песен. Льдины летели, тяжело, но складно. Нам забавно: пето не для нас, слушать не нам.

Для тех песен особы ящики делали и таки большущи, что едва в улице поворачивали. К весне мороженных песен больши кучи накопились.

Заморски купцы приехали. Деньги

платят, ящики таскают, на пароход грузят и говорят:

– Что таки тяжелы сейгод песни?

Мужики бородами рты прикрыли, чтобы смеху не было слышно, и отвечают:

– Это особенны песни, с весом, с особенным уважением в честь ваших хозяев напеты. Мы их завсегда очень уважам. Как к слову приведётся, каждый раз говорили: «Кабы им ни дна, ни покрышки». Это-то, по-вашему, значит – всего хорошего желам. Так у нас испокон века заведено. Так всем и скажите, что это от архангельского народу особенно уважение.

Иноземцы и обрадели. Пароходы нагрузили, флагами обтянули, в музыку заиграли. Поехали. Домой приехали, сейчас афиши и объявления в газетах крупно отпечатали, что от архангельского народу особенно уважение заморской королеве: песни с весом!

Король и королева ночь не спали, спозаранку задним ходом в театр забрались, чтобы хороши места захватить. Их знакома сторожика пропустила.

Вот ящики поставили и все разом раскупорили. Ждут. Все вперёд подались, чтобы ни одного слова не пропустить. Песни порастаяли и начали звенеть. На что заморски хозяева нашему языку не обучены, а поняли!

